

... Сейчас ещё словно захожусь в двух измерениях. Слишком коротка дистанция — между беседами с ней и её уходом. Разговариваю с ней как с живой. Ругаюсь на тех, кто — «как свойственно мемуарам об ушедшем человеке» — сделал из её смерти маленький «театр для себя» (в чём по моей неосторожности и излишней эмоциональности обвиняют сегодня и меня), слышу в ответ её незлое: «Вот сучка!» или что-то в этом духе. Вместе смеёмся (хрипловатый, дребезжащий — смех её был редок и оттого особенно ценен). Грустно, но подбадривающе вздыхаю в её поддержку — что мол, вот, смотрите, сколько откликов на Ваш уход, сколько людей, любящих Вас, беспокоящихся, в трогательной форме выражающих это своё беспокойство... «Людмила, Вам наконец-то хватило внимания? Вы довольны?» И слышу её мрачное: «Да» — с отстранённой интонацией, с мыслями о чём-то своём, неведомом, но определённо невесёлом. Большого успеха, признания, вообще удовлетворённости от жизни ей в последние года два очень не хватало — немногие близкие знали об этом. Немногие видели этот невроз

работы, литературу-как-спасение — постоянную попытку уцепиться за единственное, что её держало, за то, что она любила больше всего на свете. И новый уход в чёрные бездны депрессии, боли, недолюбленности.

Как-то она мрачно пошутила, что стихи о ней — среди моих многочисленных посвящений — появятся у меня только на её смерть. Нет, они появились раньше. После очередного её звонка мне — когда она сетовала (справедливо!) на кризис экспертности — родились такие строки. В них зафиксирована и её походка вразвалочку, и тот (страшный!) крик отчаяния, и отсылка к Блоку, умершему, как известно, «от отсутствия воздуха»:

отдай вразвалочку огонь —
в ладони одиночек,
где новой черни позывной
звучит, как блоковский гудок,
а в ухо — крик о му***ах,
дорвавшейся до точек,
так, боже, страшно одинок,
так, боже, одинок.

И всё же в ФБ-постах её сегодня называют «королева современной литературы». В этом определении, кроме, может быть, заштампованно-

го и чрезмерно пафосного эпитета, есть точность: вот уже несколько высказываний сегодня про «царственное» и «ахматовское» по отношению к ней — при жизни я, быть может, отмечал это лишь вскользь, а зафиксировал для себя только сейчас. Но шевельнулось такое впечатление, когда смотрел это её интервью: здесь она — сидящая в кресле, с прямой осанкой — настоящая королева. Хранительница истории и вечности, какой была Ахматова по отношению к ушедшей эпохе, — вспомним «Поэму без героя» и т. д. Для Людмилы, видимо, такой эпохой были 90-е и, быть может, самое начало 2000-х — когда она (после уже сложившейся научной карьеры!) начала свою деятельность литературного критика; время, которое зафиксировала с такой любовью в многочисленных репортажах и статьях. И время, сравнения с которым в её личной картине мира не выдержало то, что наступило позже.

...Невозможно поверить, что её не будет.

Не будет новой книги статей (последняя по времени и самая главная из них, «Тексты в периодике. 1998–2015», вышла в 2016 году, а моя рецензия о ней — в 2017-м в «Дружбе народов»). Лучше этого о критической деятельности Людмилы вряд ли уже что-то напишу. Книга действительно эпохальная (о чём пишет Илья Кукулин и цитирует в посте своё предисловие к этой книге), великолепный памятник эпохе 1998–2015, обозначенной в её заглавии. Отдельный предмет полиграфической роскоши — вкладка с фотогра-

фиями с литмероприятий: помню, как Людмила долго ждала её, передельывала, боролась с дизайнерами... Прочитую немного из этой рецензии: «Удивительно своевременная и удивительно грустная книга. Своевременная — как подведение итогов нескольких этапов литературной жизни, о которых пишет Людмила Вязмитинова, выстраивая четкую хронологическую и поколенческую периодизацию: «период 1986–1987 гг./ 2001–2002 гг. с кульминацией в 1996 г., но если брать более широко, говоря о большом периоде глобальных перемен, то можно выделить три периода — 1986–1987 гг./ 1996 г., 1996–1997 гг./ 2006 г. и 2006–2007 гг./2016 г. Что касается 1996, 2006 и 2016 гг., то это, условно говоря, годы кульминации десятилетий, когда завершается начатое в середине предыдущего десятилетия. На середину десятилетия приходится упрочение в литературе поколения, заявившего о себе в предыдущее десятилетие, и выход на сцену нового, победа которого придёт на середину следующего десятилетия. Так, можно говорить о “поколении 90-х”, “поколении 00-х” и — уже — о “поколении 10-х”. <...> В книге, уже наречённой некоторыми “памятником литературной жизни”, концептуальные статьи для удобства чтения перемежаются заметками, публиковавшимися в “Ex Libris НГ”, “Библио-Глобусе”, “Живом журнале” автора. Все тексты снабжены датами соответствующих публикаций, многие — интернет-ссылками <...> Книга хорошо издана — и ее

приятно как читать, так и перелистывать, обращаясь к тому или иному этапу литературной истории...»

Книга, кроме прочего, включила тексты разнообразных жанров, среди которых особое место занимают обзорные репортажи о литературных мероприятиях, фиксируемые Вязмитиновой на протяжении без малого двадцати лет. Да, она была мастером литературного репортажа — а после того, как она отказалась его вести (почувствовав, что авторы в первую — и, может, единственную — очередь реагируют на упоминания себя самих), жанр как-то угас вовсе (оставшись, пожалуй, лишь на страницах газеты «НГ Ex libris», и то в формате короткой новостной заметки, а не подробного материала о происходящем с литературной жизнью). И это — ещё один повод оценить её утрату как аналитика, хроникёра.

...Не будет клуба «Личный взгляд», в котором проводилось столько важных обсуждений стихотворных подборок; не будет новых литературных проектов, которым она отдавалась с такой силой и страстью. Это, возможно, было незаметно в больших масштабах даже на фоне московской литжизни, как многое важное — но самим авторам и немногим посетителям клуба было ценно и дорого. И многое подспудно меняло в самом течении литпроцесса. Из «выращенных» ей в последнее время — талантливые Дмитрий Гвоздецкий, Юлия Малыгина; нельзя не упомянуть, что ею написаны первые статьи о столь значимых сейчас Дмитрие Воденникове, Наталии Черных и Даниле Да-

выдове. Она пестовала многих молодых поэтов (об этом замечательно написала у себя на Facebook Анна Голубкова: «Этот постоянный интерес ко всему новому и, быть может, ещё недостаточно оформившемуся кому-то показаться поощрением слабых поэтов. Но мне кажется, она просто любила литературу во всех её проявлениях и умела находить интересное там, где мимо прошли бы другие, более сурово настроенные литературные деятели»). Мне, помнится, в послесловии к моей книге она пронизательно «инкриминировала» влияние метареализма — тогда это вызвало лишь лёгкое раздражение, мол, все эти «измы»; с годами же стала понятна её академическая интуиция. Названное ей течение сейчас значит для меня чрезвычайно много — тогда как в то время я о нём вообще не задумывался.

И академических дискуссий в её клубе, которые, может быть, были наиболее важны для московского литературного пространства, — тоже больше не будет. Кто ещё поговорит, например, о том, «насколько ответственна создаваемая поэтами картина мира» или о редактировании поэтического текста — только перегруженность текста ссылками не даёт мне упомянуть все стенограммы круглых столов, которые она с таким энтузиазмом проводила, а я и Анна Голубкова кропотливо расшифровывали аудиозаписи...

...На фото — наша первая встреча, 7 апреля 2012 года. Совместные чтения с Даной Курской, Дмитрием Шабановым и Вячеславом Памурзи-

ным. Людмила, случайно пришедшая на вечер, подошла ко мне, сказав: «Я хочу написать о нашем вечере, в какое СМИ это можно сделать?». С этого дня началась реально новая эпоха в моей (и, думаю, не только в моей) литературной жизни. Мне кажется, вообще всё после того вечера закрутилось как-то по-новому — это понимаешь уже позже: сначала находишься в водовороте людей, событий, собственного энтузиазма, — потом, по прошествии времени, понимаешь, насколько были значимы (и вновь неявны, почти неразличимы для стороннего — и для твоего взгляда) эти изменения. Это был замечательный период — тогда родился и «Полёт разборов», и «Они ушли. Они остались», и всё, что лишь тогда и могло (поначалу не очень внятно) возникнуть в моей голове, а сейчас только продолжается, но уже на совсем других — более внятных и взрослых! — основах. Ибо в какой-то момент становится не до нового — хочется развивать и улучшать то, что есть. Но — где энергия того молодого энтузиазма?.. И вдвойне было ценно стремление Людмилы к нему подключаться.

В 2016 году мы создали студию, поименованную ею «Личный взгляд». Мне предложили работу в библиотеке имени Жуковского (тогда это было важное место литературной Москвы) — вести проект, заключающийся в проведении нескольких литературных мероприятий в неделю. Было тяжело, и Людмила меня поддержала, согласившись читать лекции и проводить семинары раз (или два, не помню уже) в неделю. Не

потребовав за свою работу никаких денег (впрочем, она вообще их не требовала как истинный бескорыстный подвижник). С этого, по её признанию, началась её педагогическая деятельность; мне (думаю, на это признание она бы не обиделась) кажется, что она обрела в этой деятельности своё истинное значение. Больше и более важное ей, чем работа литкритика. Амплуа наставника. Учителя.

Вот и самая младшая и, скорее всего, последняя из её учениц — талантливый молодой критик Вероника Третьяк, успевшая получить от неё благословение, — пишет у себя на странице: «Я вам доверяю, Людмила Геннадьевна, и намного больше этого, будьте покойны. Вы мне стали родной бабушкой через самую крепкую связь, через Слово.

Я буду слушать, что вы мне скажете во сне, и сделаю именно так. Я подхвачу ваше дело, понесу любой пакет до самого порога».

И потому память о ней, несомненно, останется — это уже сейчас совершенно ясно, что она не ушла в небытие — по количеству горячих, сочувственных, эмоциональных откликов в том же FB. Её педагогический пример, успевший затронуть в последнее время столь многих молодых. И — лира преемственности, лира учительства.

Теперь эту лиру нести нам. Осмысленная — и продолженная в нас — жизнь.

Борис Кутенков,

член Союза писателей России,
редактор отдела науки и культуры
«Учительской газеты»

Опубликовано на портале «Pechorin.net», печатается с разрешения автора.